

Е. А. Салиас

**Собрание сочинений графа Е.
А. Салиаса**

**Том 10. Служитель Бога.
Ведунья**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е. А. Салиас**
Собрание сочинений графа Е. А. Салиаса: Том 10. Служитель Бога. Ведунья /
Е. А. Салиас – М.: Книга по Требованию, 2022. – 514 с.

ISBN 978-5-458-52670-8

ISBN 978-5-458-52670-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Не усталъ? выговорилъ старикъ.

— Нѣтъ, не усталъ... Гдѣ же! отозвался мальчикъ.

Они прошли молча по слякоти, осторожно ступая, и черезъ нѣсколько минутъ мальчикъ вдругъ обратился къ спутнику:

— Тарасинька, я ждалъ, что ты сказалъ, и не дождался.

— Чего то-ись, князинька?

— Я ждалъ молитву, про которую ты вчера сказывалъ, и должно пропустилъ.

— Какую такую?

— А вотъ что ты вчера говорилъ... Твоя самая любимая.

— Ахъ, Тоничка, Тоничка! То-то вотъ слушаешь, да не выслушиваешь! Вѣдь молитва-то эта великопостная... Такъ какъ же ее теперь, да будутъ возглашать!

— Вотъ что! А я думалъ, услышу.

— Какъ можно! Молитва эта „Владыко живота моего“ только постомъ Великимъ возглашается. Да я тебѣ ее завтра же и доставлю. За тѣмъ самымъ я и къ батюшкѣ заходилъ въ алтарь. Обѣщался онъ мнѣ три раза, авось соберется ее написать. Завтра, либо послѣ-завтра я тебѣ и принесу. А ты выучи... Вотъ и хорошо будетъ.

— Спасибо, Тарасинька.

— Не за что, родной мой... Я это ради пользы твоей. Молитва первѣйшая... Хороша молитва Христова „Отче нашъ“, а эта и ей мало уступить. Если жить всякому бы по этимъ двумъ молитвамъ, Тоничка, то хорошо бы на свѣтѣ было. Не стали бы люди жить, какъ твой мерзавецъ учитель. Званія якобы духовнаго, а песь, хуже пса...

— А что въ ней говорится, Тарасинька! перебилъ мальчикъ, зная слабую струну старика и не желая бесѣды о своемъ гувернерѣ.

— А вотъ прочтешь, узнаешь... Говорится главное: не будь празденъ, не унывай, будь смиренъ, терпѣливъ, не осуждай ближнихъ... А главное будь смиренъ въ помыслахъ и терпѣливъ!.. Люблю я эту молитву — вотъ какъ... Каждое слово золото! съ чувствомъ произнесъ Тарасъ.

Старикъ и мальчикъ повернули за уголъ и вышли на Сергѣевскую улицу. Невдалекѣ отъ нихъ большой домъ сиялъ огнями.

— Ну вотъ и пришли, сказалъ Тарасъ.—Ножекъ не промочилъ?

— Нѣтъ.

— То-то... Промочишь, захвораешь, а захвораешь, то Марѳа Яковлевна тебя со мной отпущать побоится.

II.

У большого подъѣзда красиваго дома Сергіевской стояла масса экипажей. Весь домъ былъ ярко освѣщенъ. Въ залѣ за большимъ столомъ, изящно и богато убранномъ, гостей было около тридцати человѣкъ.

Гости состояли преимущественно изъ молодыхъ женщинъ. Изъ мужчинъ, военныхъ и статскихъ, не было ни одного, достигшаго сорока лѣтъ. Все это общество состояло изъ тѣхъ лицъ, которыя являются коноводами во всякомъ праздномъ времяпрепровожденіи, во всяческомъ „копченіи неба“ и во всяческомъ прожиганіи жизни.

Всѣ они числились близкими людьми или друзьями хозяина дома—князя Яхтомскаго и его жены. Разъ въ недѣлю бывалъ у Яхтомскихъ обѣдъ, такъ-называемый четверговой, на которомъ бывали такъ-называемые *les intimes*.

Изъ этихъ лицъ однако только двѣ молодыя женщины были дѣйствительно дружны съ княгиней, а затѣмъ было человѣкъ пять мужчинъ, равнодушно относившихся къ ней, т. е. влюбленныхъ въ княгиню и усиленно ухаживающихъ за ней. Только одинъ человѣкъ изъ числа всѣхъ этихъ лицъ, отставной уланскій полковникъ Ватбольскій, былъ дѣйствительно другомъ хозяина дома, но не другомъ княгини.

Хотя за столомъ шель оживленный разговоръ, тѣмъ не менѣе обѣдъ не былъ настолько весель, какъ бывалъ обыкновенно.

Еще въ началѣ обѣда кто-то замѣтилъ, что за столомъ почти нехорошее число—двадцать шесть человѣкъ, а именно, двѣ чертовы дюжины. Нѣсколько минутъ всѣ шутили на этотъ счетъ и мнѣнія раздѣлились. Одни говорили, что считается дурнымъ только тринадцать за столомъ, а два раза тринадцать ничего не означаетъ и ничего худого не предвѣщаетъ. Другіе шутили, что двѣ чертовы дюжины еще хуже одной.

Съ самаго начала обѣда хозяинъ дома былъ нѣсколько угрюмъ и необычно молчаливъ. Напротивъ, княгиня была неудержимо весела, разговорчива и любезна.

Хозяинъ и хозяйка, сидѣвшіе на двухъ противоположныхъ концахъ стола, представляли собой по наружности полную противоположность.

Уланскій штабъ-ротмистръ въ отставкѣ, князь Андрей Николаевичъ Яхтомскій былъ крайне смуглый брюнетъ, сухой, худощавый и небольшого роста. Въ чертахъ лица его не было ничего русскаго. Бабушка молдаванка повліяла на фамильный типъ.

Несмотря на рѣзкія черты лица, наружность князя была добродушная. На толстыхъ губахъ всегда была добрая усмѣшка, въ глазахъ—спокойствіе, искренность. Князь былъ собственно некрасивъ собой, а вмѣстѣ съ тѣмъ лицо его было пріятно и симпатично.

Княгиня Юлія Павловна, наоборотъ, прежде всего поражала своей блестящей и въ то же время оригинальной красотой. Это была высокая женщина, на полголовы выше мужа, стройная и граціозная въ движеніяхъ.

Оригинальность красоты этой женщины, которой было уже немного за тридцать лѣтъ, заключалась въ цвѣтѣ волосъ, золотисто-рыжихъ, въ чрезвычайной бѣлизнѣ лица, нѣжности и прозрачности кожи. Но болѣе всего очаровывала княгиня Юлія Яхтомская своими большими глазами цвѣта бирюзы съ зеленоватымъ оттѣнкомъ.

Всякій, взглянувъ на княгиню, могъ съ перваго же мгновенія убѣдиться, что эта женщина принадлежитъ къ породѣ опасныхъ, недобрыхъ и неискреннихъ женщинъ-хищницъ.

Княгиня извѣстна была въ петербургскомъ обществѣ тѣмъ, что ее собственно никто вполнѣ не зналъ. Ближайшіе друзья ея должны были сознаться, что она настолько скрытна, что остается для нихъ нѣкотораго рода загадкой.

Послѣ третьяго блюда лакей подалъ князю письмо. Князь хотѣлъ, не распечатывая, положить его въ карманъ, но поглядѣвъ надпись, извинился у ближайшихъ и разорвалъ конвертъ. Быстро пробѣжавъ глазами одну страницу, онъ сунулъ его въ карманъ. Лицо его измѣнилось.

Княгиня замѣтила это и насупилась на мгновеніе, но собственно за то, что добрякъ-мужъ не умѣетъ владѣть собой.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ князь молчалъ, не разговаривая ни съ кѣмъ, и даже не слушая, что говорили около него и, наконецъ, проведя рукой по лицу, вымолвилъ громко и рѣзко:

— Pardon, извините меня. Мнѣ вдругъ какъ-то стало дурно... Я прошу позволенія поступить невѣжливо. Впрочемъ, черезъ минутъ пять я вернусь.

Князь поднялся и вышелъ изъ столовой прямо въ свой кабинетъ.

Гости на минуту примолкли, болѣе изъ вѣжливости, но затѣмъ веселый говоръ начался снова.

— *Quelque mauvaise nouvelle!* сказала молоденькая и маленькая брюнетка, баронесса Штейнъ, обращаясь къ своему первому другу—княгинѣ.

— О, нѣтъ! отозвалась хозяйка. — Такихъ, благодаря Бога, ожидать нельзя—неоткуда. Мужу съ утра нездоровится.

Между тѣмъ Яхтомскій, войдя въ свой кабинетъ, усилилъ свѣтъ карсели, стоящей на столѣ, сѣлъ и сталъ читать полученное письмо. Прочтя со вниманіемъ двѣ страницы, князь откинулся въ кресло, закрылъ глаза, и такъ просидѣлъ съ четверть часа. Затѣмъ онъ провелъ руками по лицу и шепнулъ:

— Ну, что-жь, надо было ожидать!.. Чему же удивляться?.. Но эта—придирка, глупый предлогъ... Тетушка съ ума еще не сходила...

Но затѣмъ черезъ нѣсколько мгновеній онъ прибавилъ уже громче:

— Нѣтъ, въ томъ-то и бѣда, что она способна на это! Отъ нея это станется.

Подумавъ, Яхтомскій снова вымолвилъ:

— Нечему удивляться—это должно было случиться! Удивительно, какъ оно не случилось еще въ прошломъ году...

III.

Прошло полчаса и въ кабинетъ вошелъ тихо камердиреръ князя и его любимецъ. Это былъ именно тотъ старикъ, который только что вернулся изъ церкви.

— Тарась, вымолвилъ Яхтомскій, — гдѣ моя маленькая книжка?

— Красненькая?.. отозвался старикъ.

— Ну, да, записная... Ну, счета... Будто не знаешь!

— Вотъ здѣсь-съ... въ ящикѣ, въ бюрѣ.

— Вздоръ... Я тамъ утромъ искалъ... Нигдѣ, ни въ одномъ ящикѣ нѣтъ.

— Точно такъ-съ, она тамъ. Во второмъ ящикѣ, направо.

— Я тебѣ говорю—вздоръ! Ну, сыщи.

Тарасъ медленно и спокойно подошелъ къ столу, оглядѣлъ его, потомъ перешелъ къ другому, маленькому, заставленному всякой всячиной, и затѣмъ, приблизившись къ бюро, хотѣлъ, казалось, отворить одинъ изъ ящичковъ.

Яхтомскій слѣдилъ за нимъ и выговорилъ нетерпѣливо:

— Вотъ ужъ упрямя, какъ осель. Говорю тебѣ, тамъ нѣту!

— Ваше сіятельство, вѣрно я сказываю, я же ее видѣлъ сегодня. Развѣ вы изволили вынуть?..

— Ничего я не вынималъ!.. Говорю тебѣ, ее тамъ нѣту, потому что и не было!

Тарасъ стоялъ около бюро и не двигался. Яхтомскій задумался, но черезъ нѣсколько мгновений поднялъ глаза на лакея и увидѣлъ его въ неподвижной позѣ.

— Что ты, съ ума сошелъ? вскрикнулъ онъ.—Я тебѣ говорю: нищи!

— Слушаю-съ!

Камердинеръ обошелъ почти весь кабинетъ, приподнимая на столахъ и полкахъ разные предметы, но затѣмъ снова остановился и вымолвилъ;

— Прикажете искать?

— Разумѣется.

— Извольте, я хоть до ночи буду искать. Только, позвольте доложить, — напрасное препровожденіе времени будетъ. Я же знаю, что она въ ящичкѣ... вотъ въ энтоть!

Князь молчалъ.

— Такъ какъ-же, прикажете искать?

— Ищи!

— А не позвольте отворить ящичекъ, чтобы ее достать!

— Такъ убирайся, осель, къ чорту! вдругъ вскрикнулъ князь внѣ себя.

Камердинеръ двинулся изъ кабинета, постоялъ у двери, но затѣмъ вернулся назадъ и выговорилъ голосомъ, которымъ няни и дядьки разговариваютъ съ малыми дѣтьми:

— Андрей Николаевичъ, что попусту гнѣваться... Вѣдь вамъ книжка нужна. Такъ позвольте ее подать.

И не дожидаясь приказанія, Тарасъ быстро шагнулъ къ бюро, отворилъ второй ящичекъ и, доставъ оттуда красенькую книжку, передалъ ее барину.

— Фу! Какъ же я ее тамъ... началъ было князь, по махнулъ рукой и развернулъ книжку.

Тарасъ пошелъ было снова къ дверямъ, но оглянувшись на барина и видя, что онъ взволнованъ болѣе чѣмъ когда-либо, камердинеръ—уже тридцать пять лѣтъ знавшій и любившій своего барина—не выдержалъ и второй разъ вернулся къ креслу, на которомъ сидѣлъ князь.

— Андрей Николаевичъ, позвольте мнѣ доложить вамъ. Дѣло важное... Коли вамъ извѣстно, тогда нечего толковать, а коли вамъ неизвѣстно, такъ я долженъ васъ предупредить...

— Ну, что? разсѣянно отозвался князь.

— Въ домѣ тетюшки не совсѣмъ ладно. Была у моей жены по утру одна изъ ея горничныхъ, рассказывала такое, что боюсь вамъ доложить... Разсердитесь и дуракомъ обзовете. А доложить, полагаю, моя обязанность.

Князь пристально вглядѣлся въ лицо камердинера и вымолвилъ быстро:

— Ну, говори!

Да, изволите видѣть, сказывала она подь великой тайной, что Марья Георгіевна... ужъ не знаю, какъ вамъ доложить... Замужъ идетъ? выпалилъ князь.

Точно такъ-съ. Я думалъ, вамъ неизвѣстно.

— Такъ это и въ домѣ говорятъ! воскликнулъ князь.— И люди ея уже знаютъ, стало-быть, это вѣрно? Ничего я, Тарасъ, не зналъ, сейчасъ только узналъ изъ письма.

— Ужъ если и вамъ пишутъ, стало-быть горничная не вретъ. Что же, бываетъ всякое на свѣтѣ! Грѣхъ такой, лукавый попуталъ! Вспомните, Андрей Николаевичъ, еще годъ назадъ я сказывалъ вамъ: займитесь да обратите вниманіе на этого пройдоху. Вы изволили смѣяться. А теперь вотъ поди уже и поздно. Обдѣлалъ свое дѣло, поганецъ. Да и срамъ-то, срамъ-то! Вѣдь оль Марья Георгіевнѣ во внучаты годится! Вѣдь ему двадцати пяти лѣтъ нѣту. Вся надежда, что ее вѣнчать не дозволятъ. Кажись на это законъ полагается: позже семидесяти лѣтъ никто не смѣй вѣнчаться.

— Э, полно врать! сердито отозвался князь.— Это вамъ, холопамъ, законы писаны.

Князь помолчалъ и прибавилъ:

— Какъ только откушаютъ, такъ позови тихонько Сергѣя Сергѣевича. Скажи, прошу зайти ко мнѣ.

Тарасъ вышелъ изъ кабинета. Князь снова взялся за письмо и снова перечелъ его, затѣмъ точно такъ же откинулся въ кресло, закрылъ глаза и сидѣлъ съ одной мыслью въ головѣ, съ однимъ вопросомъ:

„Какъ же быть?“

Изрѣдка онъ отвѣчалъ себѣ:

„Никакъ! Ничего нельзя!“

До кабинета долеталъ гулъ голосовъ за столомъ, иногда взрывы смѣха, или стукъ посуды. Наконецъ громъ отодвигаемыхъ стульевъ ясно достигъ слуха князя.

— Наконецъ-то! выговорилъ онъ и, поднявшись, сталъ ходить по горницѣ, поглядывая на дверь.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась и полковникъ Ватбольскій быстро вошелъ.

— Что! Въ чемъ дѣло? спросилъ онъ, приглядываясь къ лицу друга.

— А вотъ... отозвался князь.—Садись и читай!

Полковникъ сѣлъ въ кресло и взялъ письмо. Князь сѣлъ противъ него и пристально глядѣлъ въ его лицо, будто надѣясь, что другъ, прочитавъ, скажетъ что-нибудь утѣшительное.

Дочитавъ письмо, Ватбольскій вздохнулъ и выговорилъ:

— Да. Это извѣстный жидъ. Кто Мозера не знаетъ. Не хорошо! Но почему же, скажи, сразу такая сумма?

— Скупилъ векселя, больше ничего! отозвался князь.

— Что же ты намѣренъ дѣлать?

— Ничего.

— Заплатить?

— Ты шутишь?

— Неужели же у тебя и этого нѣтъ?

— Этого! Почти сто тысячъ! Ты шутишь?

— Да неужели же, любезный другъ, удивился Ватбольскій,—ты до этого достигъ? Еще годъ назадъ ты говорилъ...

— Эхъ, годъ назадъ! махнулъ рукой князь.—Шесть мѣсяцевъ тому назадъ можно было еще вывернуться, а теперь конецъ! Этого я уплатить не могу сразу, а за этимъ грянуть всѣ остальные. Да. Вотъ и рассчитывай на наслѣдство! вмѣсто того, чтобы умереть, дура въ семьдесятъ лѣтъ замужъ собралась. Не будь этого замужества, эти всѣ черти ждали бы еще десять лѣтъ, а теперь почуяли, сообразили! Хоть и не будетъ у старой дуры дѣтей, да вѣдь она по завѣщанію можетъ все мужу оставить.

Наступило молчаніе, послѣ котораго князь прибавилъ:

— Да, вотъ какія дѣла на свѣтѣ бываютъ! вмѣсто тетушкиныхъ милліоновъ — разгромъ, разореніе, нищета! А что-жъ ты думаешь: мнѣ страшно, обидно? Ей-Богу, Сергѣй, все равно... Даже радъ. Это дурацкая жизнь прекратится. Но для Юліи это будетъ такой ударъ, котораго она не перенесетъ, а потомъ и Тонька будетъ нищей. А я думалъ, онъ будетъ современемъ первый женихъ въ Петербургѣ.

— Ну, любезный другъ, это нелѣпо. Думать о томъ, какимъ женихомъ будетъ сынъ, которому четырнадцать лѣтъ. Если бы ты и получилъ тетушкины милліоны, такъ къ тому времени, когда Тоня стала бы жениться, право, отъ нихъ тоже бы ничего не осталось по милости Юліи Павловны. Ты лучше подумай, какъ теперь быть.

— Никакъ! Повторяю тебѣ, если тетушка дѣйствительно сбѣсилась и на этотъ срамъ идетъ, то всему конецъ. Мои кредиторы только и ждали, что она умретъ и мнѣ все передастъ, а теперь — конецъ!

Наступило молчаніе.

За кого же она выходитъ? спросилъ Ватбольскій.

Навѣрное за своего *homme de compagnie*, раздражительно пошутилъ князь.

За этого дамскаго прелестника, что у нея вѣкъ торчитъ, что хиромантѣй занимается?

— Какъ — хиромантѣй?

— Развѣ ты не знаешь, что онъ всѣмъ дамамъ гадаетъ по рукъ. Разумѣется, молоденькимъ, а не старымъ ворожить.

— Однако, ты видишь, что и старыми не брезгаетъ, если тетушка за него собралась даже замужъ...

— Неужели за него? За Бѣлинскаго?

— Да. Я въ этомъ увѣренъ, больше не за кого.

— Но вѣдь эта свадьба — скандалъ, посмѣшище! Ей сколько лѣтъ?

— Лѣтъ за семьдесятъ... Право, не знаю. Знаю, что когда я въ первый разъ увидѣлъ ее, она была уже старухой. Можетъ быть и шестьдесятъ пять.

Друзья снова помолчали, а затѣмъ Ватбольскій спросилъ:

— И ты не намѣренъ противодѣйствовать такой дурацкой свадьбѣ?

— Какимъ же это образомъ?

— Всячески. Убѣдить старуху, что она имѣетъ дѣло съ

авантюристомъ безроднымъ. Княжна — женщина умная. Съ ней можно говорить. Съ глупымъ не согласишься, а съ умнымъ можно всегда согласиться.

— Ты не знаешь тетюшки. Она чудодѣй, какихъ свѣтъ не производилъ. Однажды она собиралась въ монахини, въ схиму, а теперь вотъ — подъ вѣнецъ... Да что толковать! воскликнулъ князь досадливо.—Бросимъ. Только зря раздражать себя.

IV.

Князю Яхтомскому шель тридцать девятый годъ. Это былъ человекъ добрый, мягкій, нерѣшительный, изъ тѣхъ людей, которые не имѣютъ ни тѣни собственной воли, которымъ органически необходимо быть въ зависимости, подъ чьимъ-либо вліяніемъ и повиноваться.

Поставленные случайно судьбой въ независимое положеніе, не имѣя родственника или друга, такіе люди могутъ подпасть подъ вліяніе лица много ниже стоящаго, хотя бы собственнаго лакея. По большей части подобные люди глубоко убѣждены, что обладаютъ сильнымъ характеромъ и вполнѣ самостоятельны.

Князь Андрей Николаевичъ лишился отца еще въ дѣтствѣ и былъ воспитанъ матерью полу-русскаго происхожденія, женщиной энергичной, суровой, деспотомъ и въ домѣ, и въ своей средѣ.

Если и были какіе задатки воли и характера въ мальчикѣ, то подъ гнетомъ воспитанія, отчасти и отъ непослѣдовательности этого воспитанія, мальчикъ, а затѣмъ юноша сдѣлался мягокъ, какъ воскъ.

Когда княгиня внезапно умерла, ея сыну было уже двадцать лѣтъ, а по развитію, привычкамъ и вкусамъ можно было дать четырнадцать. На похоронахъ матери онъ шелъ за гробомъ съ тремя гувернерами: французомъ, нѣмцемъ и какимъ-то сомнительнымъ итальянцемъ, который обучалъ его фехтованію и танцамъ.

Врядъ-ли какой-либо юный монархъ при вступленіи своемъ неожиданно на престолъ былъ въ такомъ затруднительномъ положеніи, въ какомъ находился молодой князь, очутившись на свѣтѣ одинъ. Близкихъ родственниковъ у него не было никого.

Если бы три гувернера согласились вмѣстѣ, то, быть-мо-

жетъ, сдѣлались бы его повелителями, изобрѣли бы нѣчто въ родѣ регентства.

На помощь молодому человѣку, которому еще не минуло совершеннолѣтія, явилась опека. Въ число опекуновъ попалъ случайно его очень дальній родственникъ, сравнительно молодой, лишь недавно вступившій въ уланскій полкъ. Этотъ опекунъ — Ватбольскій — сталъ другомъ молодого князя на всю жизнь.

Опекуны тотчасъ же разочли гувернеровъ, очистили домъ покойной княгини отъ массы прихлебателей, а молодого человѣка опредѣлили въ уланскій полкъ юнкеромъ.

Года черезъ полтора князь Яхтомскій, уже совершеннолѣтній, уже уланскій офицеръ, жилъ въ Петербургѣ самостоятельно, но одиноко, и не веселился какъ его товарищи, а скучалъ. Состояніе, полученное княземъ отъ матери, было очень большое и въ полномъ порядкѣ. Онъ получалъ до тридцати тысячъ въ годъ дохода съ разныхъ имѣній и буквально не зналъ, куда и на что тратить свои деньги.

Пристроиться къ чему-либо — къ кутежамъ, къ картамъ — онъ не могъ и вообще былъ совершенною противоположностью всѣмъ своимъ товарищамъ по полку. Не смотря на всѣ старанія этихъ товарищей и другихъ гвардейскихъ офицеровъ увлечь князя и заставить жить своей жизнью, онъ не поддался, потому что ихъ затѣи, прихоти и вся ихъ обстановка были слишкомъ ему не по нраву.

Молодой князь сидѣлъ у себя въ великолѣпной квартирѣ одинъ. Разумѣется, такъ-называемыхъ друзей было у него много и всякій день домъ переполнялся офицерами различныхъ гвардейскихъ полковъ. Нашлись, конечно, и ухаживатели, пользовавшіеся его средствами.

Помимо полковой службы, бравшей немного времени, князь короталъ время тѣмъ, что учился музыкѣ, рисовалъ акварелью, а въ лѣтнее время не мало удивлялъ товарищей и подвергался ихъ шуткамъ и прибауткамъ за то, что у себя, въ большомъ саду, копался въ клумбахъ, сажая и пересаживая цвѣты. Князь совершенно искренно говорилъ, что нѣтъ лучше доли, какъ быть садовникомъ и заниматься исключительно разведеніемъ цвѣтовъ и растений.

Вѣроятно, такая жизнь протянулась бы нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, но простой случай перемѣнилъ все. Однажды князь получилъ большое письмо. Оно было изъ Бессарабіи и было подписано именемъ княжны Маріи Мавроціано.